

Неизвестные герои

ПОЯВИЛАСЬ новая пьеса, «открытая» театром им. Ермоловой. Это — «Обою второго разряда» Д. Давурина.

Начался этот спектакль необычно: занавеса нет вовсе. Коврики, люстра, деревянные лесенки, кусок нарисованного неба в пролете двери, диван, стол, доски, пучки соломы — вся эта несложная театральная бутворина открывается взору людей уже тогда, когда они входят в зал.

«Наверное, режиссер будет оригинальничать», — думает артист и ждет, что же дальше. Вот погас свет, вот запылило окольные трубы — и снова осветилась сцена, но теперь уже не ровным театральным светом, а предвечерним солнцем, прокрапавшимся в окна и дерь по полуразрушенного дома на Волыни. Но не потому лишь, что заменялся свет, — оживили мертвые предметы. Все стало казаться живым, как только на сцене появились живые люди. Они привнесли с собой атмосферу времени — атмосферу тех легендарных дней гражданской войны, когда совершали скромные свои подвиги безвестные герои... Обою, да еще и второго разряда.

Вот первый прием режиссера-постановщика Л. Верляковского: обою-переходерам-сцену актерам; ов

сохранил одну и ту же обстановку на все четыре акта, отказавшись от «миссии» развлекателя и отвлекателя. Но он неизменно присутствует в спектакле, — присутствует как толкователь характеров и событий, как человек, стремящийся раскрыть логику действия, как художник, интуитивный поэтический и образного решения будничного, на первый взгляд, темы.

Оговоримся сразу же: не все в равной степени удачно в спектакле. Сделав заявку на поэтическую правду, режиссер в отдельных местах нарушил свой же собственный принцип. Так, замкнулась мало говорящая сердцу сцена беженцев. Явный спад наступает в третьем акте, где у актеров (в том числе и у Маши — арт. Е. Ермолова) исчерпан подтекст и появляется традиционный «театральный» героизм. Есть моменты в спектакле, когда недостаточно четко вылагается действительная линия (например, разговор Маши и Фомини о смысле счастья). Начало последнего акта перегружено лишними приходами и уходами. Противоречит всему строю произведения декларативный текст в финале, отсутствующий в первом варианте пьесы и появившийся в процессе работы автора в театре.

«Обою второго разряда»
Д. Давурина
в театре имени
М. Н. Ермоловой

Вот, пожалуй, и все просчеты. Возможно, мы не обратили бы на них столь пристального внимания, когда бы они не противоречили «творческим законам», установленным самой же режиссурой. И если разговор о недостатках получился коротким, то перечислить удачные моменты спектакля значительно труднее. Прежде всего потому, что их много.

В пьесе Д. Давурина о неизвестных скромных людях, выносивших на плечах своих тяготы военных будней, посвятивших жизнь революции, умеющих забывать и прощать обиды во имя общего дела, есть характеры, написанные свежо и нестандартно. Это Маша Медведева, Фомин, Щерба, Новоров — люди со своей биографией, со своим внутренним миром, со своим складом души. В спектакле не утрачена эта самобытность характеров. Более того, ошущены стремление автора написать портреты людей отнюдь не безликих и не серых: актер, режиссура и исполнитель подчеркивают яркость, незаурядность, талантливость тех, кто не гнушался будничным, прозаическим делом.

Вот какие красивые, чистые, одаренные натуры были в обою второго разряда, — как бы утвер-

ждает спектакль театра имени М. Н. Ермоловой.

Фомин — арт. Л. Галлис. Курьесый, вихрастый, смешной в каждом слове и жесте. Это наверняка главный «обозный весельчак», автор многих веселых, а может, и грустных обозных песен. Щедрость актера, находящего бесчисленные краски для своей роли, безгранична (к сожалению, порой, увлекшись характером и характерностью Л. Галлис вдруг ослабляет логик действия). Но как тонко при этом дает нам актер понять природу юмора Фомини, готового смеяться своим приниженным товарищам даже тогда, когда у самого на душе невесело, умеющего встряхнуть людей, настроить их на веселый лад.

Он хвастает малиновыми галфе и хромовыми сапогами, — а о своих героических делах говорит нехотя, между прочим. Выкладывает всю силу темперамента в пустяковные, смешные рассказы, — а о главном — об очередном своем подвиге — сообщает, как о пустяке. Тихов характер!

Точно найдена режиссурой деталь, помогающая нам еще глубже понять существо Фомини, рожденного для мюнхонской разведки и чудного работе за канцелярским столом. Став временно начальником обою, Фомини по-хозяйски «расчищает» себе стол для работы. Он садится за этот пустой стол и... не знает, что же делать дальше. Ситуация смешная, и он первый потешается над собой, над нелепостью своей статичной позы.

Политруком Щерба (арт. Ю. Левцикий) — это человек целеустремленный, успешный с головой в работу и в то же время привыкший проверять, контролировать каждый свой шаг, каждое свое чувство,

Строгость к себе, боязнь поставить личное выше общего, эта постоянная самопроверка делают Щербу — Ю. Левцикого человеком предельной чистоты и честности, настоящим коммунистом.

Задача изобразить не особенно грамотного политрука, совершившего ошибку по причине малой опытности и неумения разобратся в людях, куда легче и проще. Здесь же, в театре имени Ермоловой, образ Щербы решается не в жанровом, а в драматическом ключе. Актер «ищет опору» в своеобразии эпохи, рождающей людей непримиримых, беспредельно преданных делу партии, требовательных к другим, во прежде всего к самому себе. Щерба обвиняет Машу в несовершенном проступке не только потому, что все факты обернулись против нее, он боится оказаться магним по отношению к той, которую любит, он упрекает себя за эту любовь, которая вдруг авралась в его жизнь, заполненную прежде только работой.

В спектакле показано самое начало большой, невысказанной любви. Мы опущаем ее и в безмолвную сцене «за ужином», когда Щерба и Маша машинально черпают еду из походных котелков, думая друг о друге; и в сцене депрессии, когда Щерба безуспешно причит свое волнение от близкого соседства Маши; и в подтексте самых будничных разговоров.

Знаменательна встреча Щербы и Маши в последнем акте. Щербу мучит его ошибка, чуть было не стоившая девушки жизни. Он казнил сам себя, что Маша робела перед ним, считая себя недостойной его любви. Более того: она, оправданная трибуналом, все же считает себя виноватой, — заслуживающей на посту! Это она у Щербы на-

училась судить себя высшим судом собственной совести (это — дебют молодой талантливой актрисы, еще не знакомой зрителям).

Маша у Е. Ермоловой — девушка с «королевской» осанкой. В черных изысканных ботинках с узкими и в кофточке из дешевого малинового сатина она чувствует себя красивой, молодой, нарядной, не смотря на трудную почтовую жизнь. Скоростно, беззащитность уминается в ней с мягкостью, застенчивостью, неслобностью. Верно сказано актрисой тоска безраздвой и бездомной Маши по леске в семье, выраженная в ее домысливании, заботливости, стремлении «обнять» случайный уютный угол.

В сценическом рассказе об обещаниях и их тяжком труде есть подлинно поэтические места. Еспомином хотя бы ночь, спускающийся над обою, и валивающийся вдали красивый молодой голос. Илья долгая пауза (душа о Маше) — пауза, сменившаяся тихой, протяжной песней. Песней же, — песней, влучающей не со сцены, а в зрительном зале, — заканчивается спектакль «Обою второго разряда». И финал этот органично завершает повествование о честных, преданных революцию людях.

О. Дзюбинская.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Обою второго разряда». Маша — артистка Е. ЕРМОЛОВА и Фомин — артист Л. ГАЛЛИС.

Фото Г. КОРАВЕЛЬНИКОВА.

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА [3 стр.]

21 ДЕКАБРЯ 1957 ГОДА